

Иеромонах ИЛИОДОР

Гриша¹

В начале 1904 года в Академии заговорили, что в Сибири есть пророк. Звать его Григорий Ефимович. Он скоро приедет. Особенно ждали его о[тец] Феофан и епископ Сергей. В мае он прибыл. Остановился у о[тца] Феофана. В первый раз я Гришу встретил в коридоре Академии. Он мне сказал:

— Ты круто (хорошо) молишься.

Тогда мне Гриша не понравился. Он был некрасивым грязным мужичком. Я инстинктивно почувствовал к нему отвращение. С того времени я его не видел. Слышал только, что он с о[тцом] Феофаном бывает у Милицы Николаевны и у Царя и с Царицей. Я на это не обращал внимания и вообще этими вещами очень мало интересовался.

Через два года я служил на Волыни. Однажды архимандрит Антоний* говорил про Гришу, что он в Казани ездил на одной женщине, его захватили. Этому сообщению я не придавал значение: ибо мало интересовался личностью Гриши. В марте месяце 1909 года меня погнали из Царицына в Минск, запретили священнослужение. В субботу на Страстной я приехал к о[тцу] Феофану. Здесь встретил Гришу. Он уже был чище, одет был в шелк и дорогое сукно. Когда еп[ископ] Феофан, мой духовный отец, отказался за меня ходатайствовать перед Царем, я попросил Гришу. Он охотно согласился и через день мне из Царского по телефону сказали, что я буду в Царицыне. Говорила Вырубова. Гриша устроил в этот раз мне свидание с Царицей. В этот раз я познакомился и с Лохтиной.

¹ Печатается по: Российская национальная библиотека. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. Ед. хр. 439. [Л. 1–5.]

* Очевидно, ошибка — речь идёт об архиепископе Волынской и Житомирской Антонии (Храповицком). — *Сост.*

Гриша показался мне странным, хитрейшим, скрытным человеком, а Л[охтина] глубоко верующей женщиной. В[ырубову] я почитал красивым куском мяса, но почувствовал, что среди этого куска сидит здоровый человек себе на уме. Я уехал в Саратов, а потом, когда указ из Синода пришел, в Царицын. В начале ноября этого же 1909 года в Царицын приехал владыка Гермоген, а с ним и Гриша. Гриша везде на лошадах по городу ездил с владыкой. Народ начал говорить, что владыка ездит с жуликом. Я начал внушать народу, что Гриша великий человек, он благодетель наш, он бывает у Царей и т.д. Народ мне верил. Владыка уехал на Саратов, Гриша остался и заставил меня ездить вместе с ним по моим почитателям. Везде принимали Гришу как Ангела Божия. Кланялись ему в ноги. Целовали руки. Называли о[тцом] Григорием. Целовали руки и простые люди, и образованные. Гриша охотно в каждом доме целовал молодых красивых женщин и девушек, а старух от себя отталкивал. На это никто тогда не обращал внимания. Гриша у меня исповедывался. Грехов не говорил, хотя я спрашивал, а только сказал:

— Что я буду делать, когда Царица пугнет меня от себя.

Эта фраза и некоторые другие дали мне понять, что против него около Царицы собирается компания... Он мучился, но мне прямо ничего не говорил. *В этот приезд в Царицын он на одной монахини-девице радел около часа.* Об этом я узнал через три-четыре месяца. В конце ноября с ним поехал в с. Покровское на его родину. Ехали в первом классе. За всю дорогу он меня ничем не удивил, хотя я со всею тщательностью хотел увидеть в нем что-либо чудесное, выдающееся. Говорил все более о женщинах. Мне сказал:

— Ты счастливый, *под тебя любая ляжет из тех, которые за тобою бегают.*

Я от этих слов очень смутился и усомнился в праведности Гриши.

Дорогой он мне говорил о Царе и Царице, о Наследнике, о Великих Княжнах; говорил он следующее:

— Царь меня считает Христом. Царь, Царица мне в ноги кланяются, на колени перед мною становились, руки целовали. Царица клялась, что если от Гриши все отшатнутся, она не поколеблется, но вечно будет считать его своим другом. *Я Царицу на руках носил. Давил, прижимал, целовал...* Все дети на мне верхом ездили. — И многое другое, не так важное.

Слушая все это, я перед Гришей благоговел. Приехали в Покровское. Я начал проверять жизнь Гриши. Гриша живет богато. Имеет прекрасный дом. В доме дорогие ковры, иконы, портреты и разные вещи — подарки Царских Особ. Гриша роскошно одевается. Мужики

считают его за ничто, священники ругают и меня после называли мошенником за то, что с ним связался. Архиерей Тобольский был против него. И все считали его жуликом, хлыстом, большим распутником и дураком. Я недоумевал, соблазнялся, но разочаровываться не хотел... Мне больно стало. В доме у него жили две подозрительных девки. Один раз они хотели лечь со мной в одной комнате. Но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел сделать меня хлыстом, связать меня хотел... Гриша в это время мне много рассказывал про то, как он с Вырубовой и другими женщинами ходил в баню, что *у него не действует детородный член*, что он бесстрастный, как он раздел с Вишняковой, нянькой Царских детей, Ленкой и другими, как они в келии о[тца] Макария в Верхотурье голыми ногами обнимали его голову, руки, ноги, как он вместе с ними спал, как Вишнякова рвала на себе волосы из-за того, что ей не пришлось лежать бок о бок с Гришей, и т.д. Я слушал и соблазнялся, и думал:

— Вот так святой.

Гриша спрашивает меня:

— Ну что, как, соблазняешься.

— Да, — отвечал я, — считаю эти поступки в высшей степени странными. Я никогда этого допустить не могу...

Гриша от этого смущался и на время уходил в себя, задумывался, умолкал. В это время он просил денег у М[илицы] и Ан[астасии] Н[иколаевен], но они отказали. Гриша говорил, что потому отказали, что от М[илицы] Н[иколаевны] отбил доктора Вельяминова. Гриша показал мне целый узел писем к нему Царицы, Великих Княжон, Ан[астасии] и Мил[илицы] Ник[олаевен]. Я попросил у него письмо Царицы и по одному письму Великих Княжон. Гриша дал. Эти письма сейчас у меня хранятся в Царицыне. Письмо Царицы в высшей степени странное. Почти любовное.

Уехал от Гриши я и думал:

— Он не святой. Он злой, самолюбивый, своекорыстный, тщеславный, любил хорошо одеваться, Богу не молился, с женщинами свободно обращается и безобразничает. Привозил меня к себе для того, чтобы его соседи на него лучше смотрели, раз он с порядочными людьми знается. Для этой цели он затягивал к себе и еп[ископа] Феофана и дам из высшего общества.

Я уехал от Гриши весьма поколебленный в его достоинствах.

В январе 1910 года его начали в газетах травить. Писали про него весьма срамные вещи. Еп[ископ] Феофан через о[тца] Вениамина просил меня бросить Гришу, но я его защищал. Газетам не верил, ибо Гриша мне писал, что на него еп[ископ] Феофан и о[тец] Вениамин

клеветают из зависти, что он ближе их стоит к Царю... Я верил Грише и распинался за него. Мне за это досталось от Столыпина. Вскоре я узнал про радение Гриши с монахиней. Я почувствовал к Грише отвращение, перестал защищать его, но не отталкивал его от себя, ибо боялся, т[ак] к[ак] он был в силе у Царя и к тому времени и Феофан уже пострадал через Гришу. Его, как Гриша говорил, Царица выгнала от себя, когда он начал про Гришу говорить неподобающее и вскоре его перевели в Тавриду. Гриша очень злился на Феофана, писал ему и говорил всегда:

— Я ему покажу...

Я же думал:

— Разве святому можно так злобиться.

Когда шум газетный утих, в мае 1910 года я приехал в Питер. Приехал и Гриша. В доме Танеева я видел следующее: Гриша разговаривал с Вырубовой, все время гладил ее груди, потом Вырубова поклонилась ему до земли, много раз поцеловалась с ним, поцеловала его руки и ушла. Гриша сказал мне:

— Видел?

— Видел.

— Ну вот, так и Цари ко мне относятся, да еще похлеще, и кланяются, и руки целуют.

Гриша не договорил. Вообще Гриша очень осторожно открывал картину отношения Царей к нему. Но я понимал, что в этих отношениях есть много таинственного. В марте 1911 года Гриша уехал на Афон или в Иерусалим отмаливать свои какие-то тяжкие грехи. Около этого времени меня погнали в Новосиль. Потом я остался в Царицыне. Здесь Гриша мне нисколько не помог, хотя Лохтина и другие последовательницы Гриши старались доказать, что милость Царицы ко мне — дело Гриши. Вообще ученицы Гриши старались поддерживать авторитет его. В июле 1911 года Гриша приехал в Царицын. Народ за ним уже не бегал, все от него отшатнулись. Карточку его отрезали от меня и от владыки. Гр[игорий] огорчился и на меня обиделся. Гриша выхлопотал у Царицы на Саровское паломничество, он заставил меня торжественно проводить его с народом из Царицына и поднести ему дорогой подарок и цветы. Я все это сделал: ибо боялся Гриши. Гриша уехал... По пути заехал к Владыке. Владыка принял его холодно. Высказал свой взгляд на него. Гриша был удручен: вообще он дорожил дружбою с нами и этой дружбою прикрывался при Дворе.

В декабре месяце 1911 года я приехал в Питер к владыке, приехал из Ялты и Гриша. Из Москвы он прислал владыке телеграмму заис-

квивающего характера. Мне сказали, что ходят в свете слухи, что Гриша живет с Царицей. Эти слухи подтвердил Митя. Я возмутился и сказал:

— Я его больше всех защищал, я его и погублю.

Я отвез Гришу к владыке. Владыка заклинал Гришу не ходить без его и моего благословения в Царский дом. Митя начал бранить его и *хватать за член*. Гриша обещался с клятвой пред иконой с мощами не ходить к Царям. Свидетели этому — я и Ив[ан] Ал[ександрович] Родионов. Об Орлове никто не упоминал, о Наследнике тоже. Гриша испугался, и его отпустили. Он пожаловался в Ялту. Говорил:

— Митю нужно прибрать, а владыке достанется за то, что он так про Царицу говорил, будто она живет со мною.

Я почувствовал, что дело кончится плохо. Недаром я настаивал после заклятия не отпускать Гришу, а прежде убедить Царей, что Гриша не Христос и не праведник, а подлец и развратник.

Владыка меня не послушался и сказал:

— Запрещая вам иметь дело с Гришей, если вы будете с ним возиться, я от вас отказываюсь — живите с ним.

При этом владыка плюнул.

Я сказал:

— Владыка, я повинуюсь, но вам и мне придется из-за Гришки пострадать.

И пострадали...

Саблер и Даманский ставленнички Гришки. Гришка говорил, что Саблер поклонился ему, Гришке, в ноги, за то, что он сделал его обер-прокурором. Еп[ископ] Варнава ставленник Гришки. Варнава 31 января выезжал в Царское Село.

Мое мнение о Гришке таково:

«Он хлыст, развратник неисправный, его нужно удалить от Царей и наказать за то, что, будучи развратником, он так нагло считал себя праведником и лез к Царям. Если Гришка не будет теперь же удален и запрятан, то Царский Престол опрокинется, а Россия погибнет».

Иеромонах Илиодор.

1912. I. 25.

Добавление

У Гришки есть жена. Женщина она добрая, но скрывает ради корысти шалости Гриши. Священник из села говорил мне, что она много раз вытаскивала за косы из своего дома девок, с которыми жил Гришка. Он же от этого упорно отказывался, говоря, что этого ничего не было.

У Гришки трое детей: Матрена, 15 лет, Митя, 14 лет, Варя — 12 лет. Митя мальчик блудливый, развратный, сквернослов, Матрена — девочка наглая, отвратительная. Учится в Питере в Институте. Учится музыке и танцам.

Григорий, по словам односельчан, жил сначала бедно и все его считали дураком. Сам он о себе говорил:

— Я был пьяница, табакур, потом покаялся и вот видишь, что из этого вышло.

Конец.

(Подлинник этого письма хранится у высокопоставленной особы, близкой ко Двору. Она выдаст его только для личного представления.).

